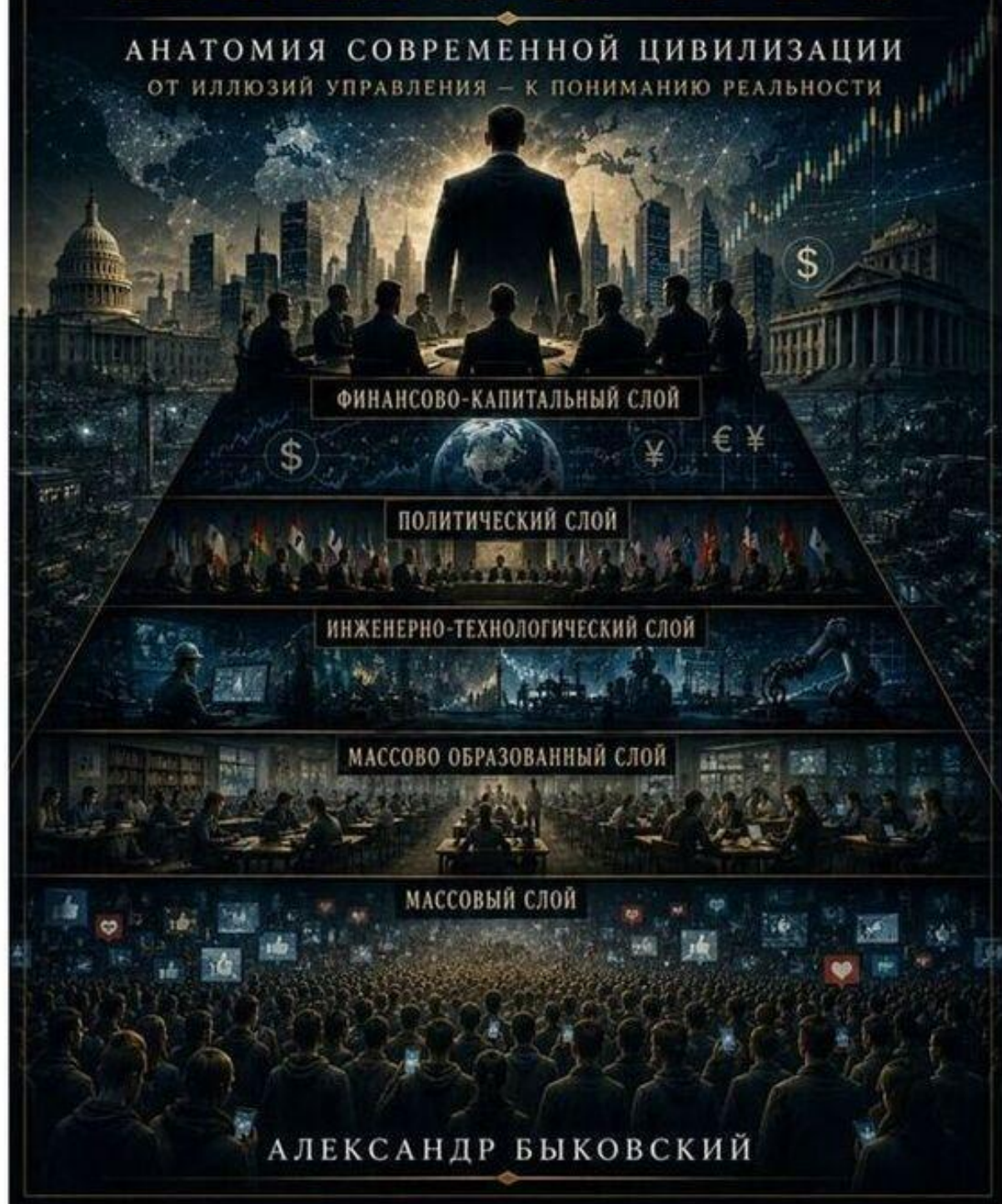

12+

АНТОЛОГИЯ ВЛАСТИ

АНАТОМИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
ОТ ИЛЛЮЗИЙ УПРАВЛЕНИЯ – К ПОНИМАНИЮ РЕАЛЬНОСТИ

Александр Быковский

Антология власти

«Издательские решения»

Быковский А.

Антология власти / А. Быковский — «Издательские решения»,

Почему коррупция неискоренима? Кто на самом деле управляет цивилизацией? «Антология власти» — системный анализ устройства современного общества через пять социальных слоёв: от массового до финансово-капитального. Без конспирологии — только структурная логика власти, коррупции и цивилизационного упадка. Для тех, кто хочет понять реальность, а не её мифологию.

© Быковский А.

© Издательские решения

Содержание

АНТОЛОГИЯ ВЛАСТИ	6
Содержание	7
Введение. Почему мы перестали понимать власть	8
Часть I	10
АРХИТЕКТУРА НАСЕЛЕНИЯ	10
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Антология власти

Александр Быковский

© Александр Быковский, 2026

ISBN 978-5-0070-3285-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АНТОЛОГИЯ ВЛАСТИ
Анатомия цивилизационного управления
Александр Быковский

Профессор, д.т.н., к.э.н.

Системный анализ власти, коррупции и цивилизационной энтропии

Содержание

*«Когда общество перестаёт понимать устройство
собственной системы, оно начинает объяснять
сложность мифологией.»*

— Из этой книги

Введение. Почему мы перестали понимать власть

Существует парадокс нашего времени, который редко формулируют прямо: человечество никогда не знало столько о мире вокруг себя — и никогда так хорошо не умело объяснять этот мир мифами. Мы живём в эпоху беспрецедентного информационного изобилия, когда любой факт доступен за несколько секунд, когда архивы открыты, когда исследования публикуются в открытом доступе, когда бывшие сотрудники спецслужб пишут мемуары, а утечки документов становятся новостью каждые несколько месяцев. И при этом конспирологическое мышление не отступает — оно наступает.

Теории о тайных управляющих мира, о «глубинном государстве», о «чёрной аристократии», о невидимых центрах принятия решений становятся всё более популярными именно по мере того, как доступность информации растёт. Это не случайность. Это симптом. Симптом того, что сложность реальной системы управления превысила когнитивные возможности среднего образованного человека, и разум начал искать упрощающую нарратив-замену.

Эта книга написана не для того, чтобы опровергнуть конспирологию. Опровергать её — значит вступать в заведомо бесплодный спор, потому что конспирологическое мышление не является системой утверждений, которые можно проверить и опровергнуть. Это способ восприятия реальности, архитектура интерпретации. Человек, убеждённый в существовании тайного центра управления, интерпретирует как подтверждение своей теории любое событие — как успех тайного плана или как неудачу, которую тоже предусмотрели.

Но у конспирологии есть законный источник. Она возникает там, где существует реальная, но непонятая сложность. Когда общество не в состоянии описать механизм происходящего на языке причин и следствий — оно описывает его на языке умыслов и заговоров. Это не патология отдельного человека. Это адаптивная реакция перегруженного сознания.

Поэтому задача этой книги — не разоблачение, а перевод. Перевод с мифологического языка власти на язык системного анализа.

Мы попробуем показать: большинство процессов, которые кажутся результатом скрытого умысла, являются следствием архитектуры стимулов, информационной среды и структуры самой системы. Коррупция не требует заговора — она является естественным исходом в системе, где распределение стало важнее производства. Политическая деградация не требует «злых кукловодов» — она является предсказуемым результатом медийной селекции и коротких электоральных циклов. Страх не требует централизованного управления — он является неизбежным побочным продуктом алгоритмического усиления тревожности.

Система сама производит эти феномены. Автоматически. Статистически. Без единого «главного виновного».

Это, возможно, страшнее любой конспирологии. Потому что заговор можно разоблачить, злодея — остановить, тайную организацию — уничтожить. Но что делать с архитектурой стимулов? Что делать с когнитивной структурой информационной среды? Что делать с термодинамикой сложной системы, которая производит энтропию просто потому, что такова её природа?

Мы не претендуем на исчерпывающие ответы. Но мы убеждены: правильно поставленный вопрос ценнее неправильного ответа.

Книга разделена на три части. Первая — «Архитектура населения» — рассматривает, как устроено современное общество в терминах слоёв: от массового до финансово-капитального. Вторая — «Механика власти» — анализирует конкретные механизмы: коррупцию, страх, институциональную инерцию, деградацию длинного планирования. Третья — «Будущее цивилизации» — пытается ответить на вопрос, способна ли система к выходу из нынешней фазы, и если да — что для этого необходимо.

Стиль этой книги намеренно аналитический, а не публицистический. Мы избегаем эмоциональных оценок там, где возможен системный анализ. Мы избегаем поиска виновных там, где достаточно описания механизма. Мы не правые и не левые — мы инженеры, разбирающие устройство сложной машины после аварии.

Эта машина называется современной цивилизацией. И пора посмотреть на неё трезво.

Современная цивилизация всё меньше напоминает систему стратегического развития. Она всё больше напоминает систему управления нестабильностью. Государства перестают проектировать будущее и всё чаще занимаются перераспределением кризисов. Политика становится управлением восприятием. Медиа — управлением тревожностью. Экономика — перераспределением доступа. Образование — системой социальной сертификации. А технологии всё чаще используются не для расширения сознания, а для усиления уже существующих убеждений.

На этом фоне общество постепенно разделяется на несколько слоёв, каждый из которых начинает жить в собственной когнитивной реальности. Между ними исчезает единый язык. Исчезает единое представление о будущем. Исчезает способность к долгому цивилизационному мышлению. Именно этот разрыв и является главным предметом данной книги. Потому что цивилизации разрушаются не тогда, когда у них заканчиваются ресурсы. Они начинают разрушаться тогда, когда теряют способность понимать собственное устройство.

Часть I

АРХИТЕКТУРА НАСЕЛЕНИЯ

*Массовый слой · Псевдообразованный слой · Инженерный слой
Политический слой · Финансово-капитальный слой*

Глава 1. Массовый слой: алгоритмическое сознание и цифровая фрагментация

Когда социологи и философы говорят о «массе», они имеют в виду не количество, а качество восприятия. Масса — это не просто большинство людей. Масса — это способ существования в информационном пространстве, при котором индивид потребляет смыслы, но не производит их, реагирует на события, но не анализирует их, идентифицирует себя с группой, но не осознаёт механизмов этой идентификации.

По этому определению, в XXI веке массовый слой значительно расширился. И парадоксально — именно благодаря технологиям, которые, казалось бы, должны были эмансипировать человека. Интернет обещал демократизацию знания. Вместо этого он создал условия для более эффективного производства массового сознания, чем любой предыдущий медиум.

Понять, почему это произошло, нельзя без понимания архитектуры современных цифровых платформ. Все крупнейшие из них — Facebook, YouTube, TikTok, Twitter/X, Instagram¹ (Facebook и Instagram — социальные сети компании Meta Platforms Inc., деятельность которой признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации) — работают на основе алгоритмов, оптимизированных под одну метрику: время вовлечённости. Чем дольше пользователь остаётся на платформе, тем больше рекламных показов, тем выше доход. Это простая экономическая логика, из которой следует глубокое когнитивное последствие.

Алгоритмы обнаружили эмпирически — без всяких злых умыслов, просто путём A/B тестирования — что тревожность, возмущение и страх удерживают внимание значительно эффективнее, чем спокойный анализ. Контент, вызывающий сильную эмоциональную реакцию, распространяется в 6—7 раз быстрее нейтрального. Это не заговор против разума — это просто математика. Но математика с катастрофическими когнитивными последствиями.

Человек, проводящий несколько часов в день в этой среде, постепенно перекалибрует свой эмоциональный базовый уровень. То, что ещё десять лет назад вызвало бы умеренное беспокойство, сегодня воспринимается как катастрофа. То, что было просто мнением, превращается в угрозу идентичности. Политические разногласия, которые ещё в 1990-е годы существовали как разница взглядов между соседями, сегодня конструируются как экзистенциальное противостояние между добром и злом.

Этот процесс называют поляризацией. Но это слишком мягкое слово. Точнее было бы говорить о трайбализации — возврате к племенным механизмам мышления, при котором принадлежность к группе становится важнее истины, а несогласие с группой воспринимается как предательство.

---

¹ Facebook и Instagram — социальные сети компании Meta Platforms Inc., деятельность которой признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

Трайбализация имеет глубокие эволюционные корни. Для нашего вида, эволюционировавшего в небольших группах, социальное исключение исторически означало угрозу выживанию. Поэтому мозг обрабатывает социальное отвержение в тех же нейронных цепях, что и физическую боль. Цифровые платформы, оптимизированные под вовлечённость, эксплуатируют эти эволюционные механизмы с хирургической точностью — не потому, что кто-то так решил, а потому что именно это даёт наилучшие показатели удержания.

Параллельно с трайбализацией происходит другой процесс — фрагментация информационного пространства. До эры цифровых медиа существовало несколько крупных источников информации — газеты, телеканалы, радиостанции — которые, при всех их недостатках, обеспечивали нечто важное: общую фактическую базу для общественного диалога. Люди могли расходиться в интерпретациях, но обычно соглашались на уровне базовых фактов о происходящих событиях.

Сегодня эта общая база разрушена. Алгоритмическая персонализация создала для каждого пользователя индивидуальный информационный пузырь — набор источников, интерпретаций и нарративов, адаптированных под его предыдущее поведение. Два человека, живущих в одном городе и следящих за одними и теми же событиями, могут иметь принципиально разные представления о том, что происходит — не потому что один из них лжёт, а потому что они буквально потребляют разные версии реальности.

Это делает общественный диалог почти невозможным. Когда не существует согласованной фактической базы, спор превращается в столкновение параллельных вселенных. Аргументы не работают, потому что стороны оперируют разными «фактами». Вместо убеждения остаётся только риторическое давление.

Важно понять: описанные процессы не являются результатом намеренного контроля над массовым сознанием. Никакой «комитет по управлению умами» не принял решение фрагментировать информационное пространство или трайбализировать общество. Эти феномены являются системными последствиями рыночной логики применительно к платформам, чей продукт — человеческое внимание.

Когда внимание становится товаром, а тревожность — наиболее эффективным инструментом его захвата, система неизбежно оптимизируется под производство тревожности. Это не заговор. Это термодинамика.

Третья характеристика массового слоя в эпоху цифровых медиа — сокращение горизонта внимания и, как следствие, горизонта мышления. Формат TikTok (15—60 секунд) стал стандартом потребления контента не потому, что кто-то так запланировал, а потому что показал максимальную вовлечённость. Но за этим форматом скрывается когнитивная цена: любая идея, которую невозможно выразить за 60 секунд, выпадает из публичного пространства.

Политическая программа требует часов для изучения. Экономическая реформа требует понимания системных зависимостей. Климатическая политика требует знания физики, экономики, геополитики. Всё это не помещается в 60-секундный клип. Поэтому всё это замещается нарративами — простыми историями с добром и злом, героями и злодеями, которые помещаются.

Нарративизация сложности — это не глупость. Это адаптация к условиям информационной среды. Но она имеет политические последствия. Политик, способный сформулировать сложную проблему как простую историю, выигрывает у политика, пытающегося объяснить реальную сложность. Демагогия адаптирована к эпохе лучше, чем компетентность.

Наконец, важно отметить феномен, который можно назвать когнитивной экзотсурсизацией. Когда у человека есть мгновенный доступ к ответам на любой вопрос, у него постепенно атрофируется навык формирования вопроса. Запоминание становится ненужным, потому что всё доступно. Анализ становится ненужным, потому что есть алгоритмы, которые агрегируют и суммируют. Суждение становится ненужным, потому что есть социальная валидация — лайки и репосты сигнализируют о том, что правильно думать.

Результат — не глупость, а другой вид интеллекта: навигационный, а не аналитический. Современный массовый потребитель информации умеет находить, но не умеет оценивать. Умеет потреблять, но не умеет производить. Умеет реагировать, но не умеет размышлять. Это фундаментальная трансформация когнитивной культуры, последствия которой для политических систем мы ещё только начинаем понимать.

Особенно важен феномен, который можно назвать распадом коллективной реальности. Раньше общество спорило внутри единого пространства фактов. Теперь сами факты начинают различаться между группами населения. Каждый человек получает собственную ленту, собственную интерпретацию событий, собственную систему врагов и собственную модель мира. В результате человек перестаёт проверять реальность через диалог. Диалог вообще начинает исчезать как социальный механизм.

Настоящий диалог — это механизм обработки когнитивной энтропии. Когда человек сталкивается с иной точкой зрения, иной логикой, иным опытом — его система вынуждена перерабатывать неопределённость, усложнять модель мира, искать более устойчивую структуру понимания. Именно так происходит рост сознания. Алгоритмическая среда действует прямо противоположным образом: она минимизирует внутреннее напряжение, устраняет когнитивный дискомфорт, окружает человека подтверждениями. В результате человек получает всё больше информации — но всё меньше понимает реальность. Это один из главных парадоксов цифровой эпохи.

Современная информационная среда впервые в истории создала возможность удерживать общество в состоянии постоянной эмоциональной активации без фазового перехода. Массовый слой не является «глупым» — он адаптивен, эмоционален, крайне чувствителен к среде и всегда отражает архитектуру той цивилизации, внутри которой существует. Проблема не в людях. Проблема в том, что современная информационная система перестала снижать общественную энтропию — и начала её усиливать.

Глава 2. Массово образованный слой: диплом вместо компетенции

Существует слой общества, который по формальным признакам принадлежит к образованному меньшинству — имеет университетские дипломы, читает книги, следит за новостями, говорит на языке анализа и аргументов. Но при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что значительная часть этого слоя обладает лишь симуляцией компетенции, а не самой компетенцией. Это явление — один из наиболее недооценённых факторов современного цивилизационного кризиса.

Чтобы понять, как это произошло, необходимо рассмотреть трансформацию высшего образования за последние полвека. В середине XX века университет был элитным институтом, дающим доступ к узкому кругу людей, которые действительно занимались наукой, инженерией, медициной или юриспруденцией. Диплом сигнализировал о реальной компетенции, потому что образование было жёстко отфильтровано.

Демократизация высшего образования — движение в целом справедливое и ценное — привела к непредвиденным последствиям. Когда в университет начали поступать десятки процентов, а не единицы, стандарты неизбежно снизились, потому что массовое образование не может сохранять те же стандарты отбора и требований, что и элитное. Диплом перестал сигнализировать о компетенции — он стал сигнализировать лишь о том, что человек провёл в системе образования определённое количество лет.

Параллельно произошла экспансия гуманитарных и «управленческих» специальностей. Менеджмент, маркетинг, связи с общественностью, политология в ряде форматов, культурология, медиакоммуникации — специальности, которые в лучшем случае дают хорошую теоретическую рамку, но не создают проверяемой технической компетенции. Выпускник инженерного факультета либо умеет рассчитать нагрузку на мост, либо нет — это проверяется. Выпускник программы MBA либо умеет управлять операционными процессами, либо нет — это значительно сложнее верифицировать.

Отсутствие верификации создаёт пространство для симуляции. В сфере, где результат не измерим так же ясно, как у инженера или врача, успех в большей мере определяется риторическими навыками, сетевыми связями и способностью производить впечатление компетентности. Иными словами — управление восприятием становится важнее реальной компетенции.

Это порождает особый тип карьерного успеха: человека, умеющего говорить о компетенции, но не обязательно ею обладающего. Консультанты, советники, координаторы, стратеги, менеджеры — армии людей, чья работа состоит в производстве документов, презентаций, рекомендаций и отчётов, но не в непосредственном создании материальных ценностей или решении технических проблем.

Важно подчеркнуть: это не обвинение в личной нечестности. Речь идёт о системной логике. Когда система вознаграждает не за результат, а за процесс; не за компетенцию, а за её демонстрацию; не за решение, а за грамотно оформленный аналитический документ — рационально адаптированный к этой системе человек будет инвестировать в видимость, а не в суть.

Массово образованный слой не просто существует — он активно управляет. Значительная часть государственного аппарата, корпоративных структур, медийных организаций заполнена людьми, чьё главное умение — администрирование. Они отлично умеют организовать встречу, написать протокол, составить план, подготовить отчёт. Но они слабо понимают технический или операционный контекст своих решений.

Это создаёт феномен, который можно назвать управленческим разрывом: между теми, кто принимает решения, и теми, кто понимает последствия этих решений. Чиновник, принимающий решение о регулировании определённой отрасли, нередко не имеет реального понимания технических ограничений этой отрасли. Менеджер, реструктурирующий производственный процесс, может не иметь представления о физических ограничениях этого процесса.

Последствия этого разрыва мы наблюдаем повсеместно. Государственные программы, сформулированные грамотно на бумаге, которые рассыпаются при столкновении с реальностью. Корпоративные стратегии, прекрасно выглядящие в PowerPoint, которые оказываются неисполнимыми. Реформы, которые решают одну проблему, создавая три новых, потому что разработчики не понимали системных зависимостей.

Существует и ещё один аспект массово образованного слоя, заслуживающий отдельного внимания: его отношение к экспертизе. Характерная черта этого слоя — одновременное уважение к «экспертам» как социальному статусу и непонимание того, что реально делает человека экспертом. В результате эксперты оцениваются не по качеству их знания, а по умению производить впечатление уверенности, по социальным связям, по медийной активности.

Это открывает дверь для того, что можно назвать экспертной симуляцией: человек с авторитетным титулом и уверенным стилем изложения воспринимается как эксперт даже в областях, где его реальная компетенция минимальна. В медийном пространстве сформировался класс «профессиональных экспертов» — людей, которых приглашают комментировать практически любое событие, независимо от того, есть ли у них специфическое знание по данному вопросу.

Массово образованный слой не является злом. Он является системным ответом на системные стимулы. В мире, где высшее образование стало массовым, где управление стало отдельной профессией, где медийная видимость стала ресурсом влияния — рационально инвестировать в дипломы, управленческие навыки и медийное присутствие, а не в глубокую техническую компетенцию, требующую многих лет усилий и дающую несравнимо меньшую социальную отдачу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.